

Му Цзунбао чувствовал, что сегодня происходит какой-то абсурд. Сначала его непобедимый командующий получил стрелу и упал с коня, а потом ему и вовсе померещилось, будто он видит на поле боя галлюцинацию! Ему показалось, что сам Император — тот самый, что должен сидеть в Вэйчэне, в самом высоком дворце, отдавать приказы и ждать, пока другие проливают кровь на передовой, — стоит прямо перед ним. Его величество выглядел изможденным, облаченным в тяжелые доспехи, от которых, казалось, можно раздавиться, а длинные волосы были просто подвязаны лентой, так как корона осталась где-то в другом месте. Самое страшное, что он с выражением лица, готовым растерзать любого, приказал ему немедленно отдать командующего, которого Му Цзунбао держал на руках!

Му Цзунбао изо всех сил ущипнул себя за бедро. Больно... значит, это не сон?! Му Цзунбао опешил.

Пока он не знал, что делать первым — передать Императору Юэ Инъяна или опуститься на колени для приветствия, — тот уже нетерпеливо подался вперед и властно перехватил Юэ Инъяна за ворот. Однако безжизненное тело сильно отличалось от привычного, когда Юэ Инъян помогал, напрягая мышцы, поэтому Императору пришлось стиснуть зубы и одной рукой с трудом втянуть его на своего коня.

— Я привел пятьдесят тысяч воинов гвардии и гарнизона, передаю их вам двоим! Если вы не отомстите за вчерашнюю засаду... — Император, не опуская головы, посмотрел на Му Цзунбао и Лю Иньчжэнь, которые до сих пор не могли прийти в себя, и сделал многозначительную паузу.

— ...то можете не возвращаться в Вэйчэн, я не желаю вас видеть! — Белый боевой конь, несущий на себе Императора и Юэ Инъяна, в сопровождении двух тысяч конников, прорвался сквозь ряды врага, как нож сквозь масло, и устремился по обратному пути, вскоре скрывшись в густом дыму.

— Что это было? — спустя долгое время спросил озадаченный Му Цзунбао, глядя на Лю Иньчжэнь.

— Чудо, — уверенно ответила та.

— Сяо Шуныцзы! Живо зови лекаря! — Император гнал коня прямо до главного шатра лагеря Юэ Инъяна. Спрыгнув на землю, он закричал на Ли Цюаньшуня, ожидавшего внутри.

Что это было? Он бы и сам хотел кого-нибудь спросить! Ведь он же отправил гонца, чтобы отменить все планы по покушению, почему же Юэ Инъян все равно получил такие тяжелые раны? Почему он лежит у него на руках, словно вот-вот испустит дух? Почему? У кого он должен спросить?! А если бы Юэ Инъян не дышал, когда он прижал его к себе? Что бы он делал? Как бы он жил дальше? К кому обращаться с такими вопросами?

Если бы он не засомневался, если бы не отправился в путь глубокой ночью сразу после того, как ушли гонцы; если бы он не поленился выслушать пустые речи Ван Ляньфу и решил лично

увидеть Юэ Инъяна на поле боя... Если бы, если бы не было этих бесконечных если... Неужели сегодня у него на руках лежало бы лишь холодное тело Юэ Инъяна?

— Лекарь! Почему лекарь до сих пор не здесь! — Бережно уложив Юэ Инъяна на узкую и простую кушетку, Император снова сорвался на крик.

— Ваше Величество, лекарь пришел, — в этот момент Ли Цюаньшунь отдернул полог шатра и ввел внутрь седого старика. Это был лучший лекарь дворца, Лекарь Цянь, которого Император, боясь худшего, силой включил в состав отряда перед самым отъездом. Он не хотел утруждать старика, но кто бы мог подумать, что он понадобится!

Когда лекарь попросил Императора отойти от кушетки, тот произнес лишь одну фразу:

— Он должен жить! Смерть не допускается!

— Это... — Старый лекарь, увидев состояние Юэ Инъяна, замялся. Подойдя ближе, он проверил дыхание, прощупал пульс, приподнял веки. В конце концов, он отступил в сторону.

— Ваше Величество, Генерал Юэ... — Старый лекарь был авторитетом еще со времен правления покойного Императора и помнил, как нынешний правитель рос. Даже прежний Император никогда не кричал на него, а сегодня, ради какого-то генерала, правитель позволил себе такой резкий тон. Лекарь понимал, что Юэ Инъян значит для Императора, но даже ради этого он не собирался лгать, как последний шарлатан.

— Говори уже! Я хочу знать, когда он придет в себя! — Ему нужно было извиниться перед ним, признаться в своих чувствах, он хотел снова увидеть Юэ Инъяна, блистающего на плацу! Увидев, что лекарь отступил, Император снова придвинулся к кушетке и положил голову Юэ Инъяна себе на колени, боясь, что ему неудобно.

— Но, Ваше Величество... Генерал Юэ... он уже не дышит... — не заботясь о собственной безопасности, старый лекарь вытер катившийся градом пот и произнес слова, от которых в шатре мгновенно упала температура.

— У тебя есть смелость повторить это еще раз? — Глаза Императора опасно сузились. В них читались неверие, шок, скорбь, острая боль и сдерживаемая ярость.

— Ваше Величество... — Лекарь Цянь хотел было что-то добавить, но увидел, как Ли Цюаньшунь, вытирая слезы, начал отчаянно подавать ему знаки.

— Вон! Кучка никчемных рабов! Все вон! — Император выпрямил спину и отвернулся в сторону, но его голос был таким громким, что, казалось, мог сорвать полог шатра.

Ли Цюаньшунь посмотрел на Императора, затем на Юэ Инъяна, не подававшего признаков

жизни, и издал задушенный всхлип. Но все же он вывел оцепенелого старого лекаря из шатра.

Если бы он тогда не убедил Императора передумать, если бы до сих пор правитель был зол на Юэ Инъяна, было бы ему легче? Но теперь пути назад не было ни для кого.

Если бы генерал Юэ знал, что Император будет так убиваться, стал бы он искать смерти? Или же он знал, что его уход станет для Императора таким ударом, и именно так решил отомстить? Даже если это месть, стоила ли она жизни? Он ведь должен был знать, что Император не смог бы отказать ни в одной его просьбе...

Выйдя из шатра, Ли Цюаньшунь опустился на землю и зарыдал в голос. Если на свете существует всемогущее божество, он бы хотел спросить: что же это все значит?!

Услышав слова лекаря, первой реакцией Императора было отрицание! Лишь когда сквозь щель в занавеске донеслись рыдания Ли Цюаньшуня, он был вынужден взглянуть правде в глаза.

Опустив взгляд, он увидел лицо Юэ Инъяна, покрытое сажей от ночного дыма... в уголках губ запеклись красные следы крови... запутанные волосы были полны пыли и песка после падения с коня...

А ниже... на груди... безобразная рана уже не кровоточила, но края плоти были вывернуты наружу — это следы от вырванных крючьев стрелы... А на правом боку две параллельные длинные раны. Нет, это не от меча, такие раны наносит только сабля... их нанесли, когда он не оказывал сопротивления...

Сначала перехватило дыхание, затем все тело начало биться в дрожи, пока опухшие веки не смогли больше сдерживать отчаяние.

Император осторожно перебирал обгоревшие пряди волос у висков Юэ Инъяна, и слезы одна за другой капали на лицо генерала. Они скатывались в глазницы Юэ Инъяна, и его подернутые дымкой зрачки увлажнялись, словно отражая слезы, которые он сам уже никогда не прольет.

— Юэ Инъян, вставай. Я уже понял, что был неправ, я знаю, что не перенесу боли от твоей потери... Я соглашусь на все твои условия. Я больше не буду принуждать тебя, пусть лучше ты будешь обнимать меня... И неважно, хочешь ли ты жениться, заводить наложниц или иметь десятерых сыновей — я все позволю... Только, умоляю, не говори больше, что уйдешь от меня. Если не веришь, как только поправишься, я лично отправлю тебя обратно в поместье генерала к Хун Яо...

Даже в глазах Юэ Инъяна не осталось места для боли, и по его щекам потекли слезы, извилистыми ручьями, подобно их с Императором запутанной судьбе, падая на неровную землю шатра.

— Когда ты только пришел во дворец, именно ты учил меня не капризничать и не решать проблемы слезами, но как мне решить эту проблему... Научи меня... Иначе даже если я утоплю тебя в своих слезах, ты не дождешься от меня разрешения закрыть глаза! — Император чувствовал, как разум погружается в туман. Он хотел бы забыть обо всем, стать безумцем. Пока слезы текут, он может не дышать... Пока глаза Юэ Инъяна открыты, он будет верить, что это слезы любви к нему.

Император пристально смотрел, как его собственные слезы попадают в глаза Юэ Инъяна.

Вдруг руки Императора задрожали! Ему показалось, что мир содрогнулся... Он схватился за край кушетки и вскрикнул еще более отчаянным голосом:

— Сяо Шуньцзы! Лекарь Цянь... Помогите... Юэ Инъян... Инъян... Кто-нибудь... — Император понял, что больше не может кричать, все звуки смешались со слезами, словно они вырывались из одного источника. Слезы больше не падали в глаза Юэ Инъяна, потому что Император стирал их рукавом своего боевого одеяния, даже когда понял, что эти повторяющиеся движения превратились в порочный круг.

— Ваше Величество... — Ли Цюаньшунь, сидевший у входа, первым вполз внутрь, дрожащими бескровными губами пытаясь что-то спросить.

— Он... его глаза... он только что пошевелил ими... — Император смотрел на вошедшего лекаря, уже не в силах скрывать следы слез.

— Позвольте взглянуть, — Лекарь Цянь, не слишком веря, подошел ближе. Юэ Инъян не изменился, разве что глаза стали более влажными.

Ли Цюаньшунь тоже окружил их. Молился ли он о чуде?

— Он действительно смотрел на меня... — Император не хотел верить, что это лишь плод его воображения из-за застилающих глаза слез. Он верил, что увидел в глазах Юэ Инъяна раскаяние.

— Чудо... Это чудо... — Лекарь Цянь, только что приложивший пальцы к сонной артерии Юэ Инъяна, восторженно воскликнул!

Когда Юэ Инъян наконец пришел в себя, лицо Императора было совсем рядом. Это мешало ему сосредоточиться.

Во всем теле не было той мучительной боли, что обычно сопровождала его после ран, только чувство парения и нереальности. Органы словно не подчинялись нервам, даже глазным яблоком пошевелить было невозможно.

Он отчетливо понимал, что не умер. Он никогда не верил в загробную жизнь, поэтому, раз он сохранил хотя бы минимальное восприятие, значит, он жив! Удивительно, насколько он оказался живучим: после стрелы в левую часть груди и двух ударов саблей он все еще жив... Значит, его отряд спасен, и он может быть спокоен.

Но он не мог понять, где находится.

Все поле его зрения было занято спящим лицом Императора. Глядя на черты, которые стали более зрелыми и решительными, Юэ Инъян внезапно подумал, что неплохо было бы не умирать. Иначе он никогда бы не увидел Императора таким безмятежным, спящим рядом.

И таким... небрежным. Что заставило его забыть о самом элементарном этикете? Неужели его уход? Их пари зашло слишком далеко. У него не осталось сил бороться с Императором, он готов был признать поражение... Потому что, открыв глаза, он был полностью побежден этой обстановкой; потому что, когда он думал, что умирает, в памяти всплывал лишь Император — отчаянная спина, с которой он уходил из поместья генерала, и образ маленького ребенка, сжимающегося от рыданий в огромных дворцовых стенах.

Юэ Инъян очень хотел разбудить Императора, но не мог ни говорить, ни пошевелиться, поэтому ему оставалось лишь закрыть глаза и представить, что он и Император наконец-то оказались в одном сне.

Хотя военные действия, благодаря прибытию пятидесятитысячного подкрепления и тому, что Ван Ляньфу наконец начал командовать со всей серьезностью, были завершены за полмесяца, лекарь Цянь запретил перемещать Юэ Инъяна, заявив, что это грозит смертью, поэтому войска задержались в тех суровых краях на несколько месяцев.

Больше всего Императора беспокоило то, почему Юэ Инъян был ранен, ведь он уже отдал приказ об отмене плана.

Это была точно не стрела тюрков — позже человек, которого подослал Император, сам признался, что стрелял он. Но он отрицал, что получал императорский указ. Опрос Му Цзунбао, Лю Инчжэнь и других надежных военачальников также показал, что никаких гонцов из столицы на пути не было!

Так куда же делись его люди? Или существует кто-то еще, кто охотится на него или Юэ Инъяна? Если так, то этот подозрительный человек...

— Ваше Величество! Ваше Величество! Генерал Юэ... Генерал Юэ... — в этот момент Ли Цюаньшунь вбежал в шатер, указывая в сторону главного шатра, где лежал Юэ Инъян, и возбужденно дрожа.

— Что с ним?! — Император не стал дослушивать, он уже исчез за дверью своего временного кабинета, позабыв обо всем на свете.

— Лекарь Цянь, Генерал Юэ... — Император вихрем ворвался в шатер Юэ Инъяна и неожиданно обнаружил, что кушетка окружена людьми... Боже, только не это... Юэ Инъян был без сознания с самого возвращения, но лекарь обещал, что если он переживет первые десять дней, то выживет...

— Разойдитесь! — Му Цзунбао, Лю Иньчжэнь, Сун Жэньцзе и другие столпились вокруг кушетки. Услышав резкий окрик, они собирались было возмутиться, кто посмел так вести себя в лазарете, но их оттолкнули в сторону. На их месте тут же возникла фигура Императора.

Приглядевшись, они поняли, что это сам Император, который, по их мнению, должен был разбирать донесения из Вэйчэна!

После двух месяцев общения Му Цзунбао перестал понимать этого правителя. Император был на три года младше него, но на поле боя действовал беспощаднее всех. Его называли умудренным и скрытным, но с генералом Юэ он вел себя капризнее ребенка! И он вел себя так, будто генерал — его собственность: даже спал с ним на одной кушетке, точно ребенок, не способный отпустить няньку!

Пока Му Цзунбао был недоволен тем, что его место занял Император, Лю Иньчжэнь и Сун Жэньцзе уже потянули его к выходу.

— Эй! Я еще не собирался уходить! Отпустите меня... у-у-у...

— Юэ Инъян... — Император пробился сквозь толпу и встретился взглядом с глубокими, спокойными глазами генерала. Его губы лишь беззвучно шевелились.

Эти глаза, яркие и полные жизни, казались совсем не тронутыми двухмесячной комой. В них не было ненависти, упреков или тьмы, которых так боялся Император. Только понимание и облегчение, будто Юэ Инъян и не был ранен вовсе.

Император не понимал, почему, глядя в эти глаза, он снова плачет. Он отвернулся, чтобы украдкой вытереть слезы, но, повернувшись обратно, увидел, что Юэ Инъян не сводит с него прямого, спокойного взгляда.

— Тебе лучше? Можешь говорить? Хочешь, чтобы я что-то приказал принести? — Император заметался в растерянности. Он так много думал, пока Юэ Инъян спал, но совершенно забыл решить, что скажет первым, когда тот откроет глаза.

Увидев его суету, Юэ Инъян инстинктивно хотел улыбнуться, но не смог выразить эмоции, а говорить пока был не в силах, поэтому просто перевел взгляд. Император, заметив это, начал гадать, чего же он хочет, и лишь спустя долгое время понял, что Юэ Инъян просто сообщает, что не может говорить.

Эта неловкость мгновенно исчезла под спокойным взглядом Юэ Инъяна.

— Ты... больше не злишься на меня? — Император медленно наклонился и положил голову на плечо лежащего Юэ Инъяна. В нос ударил густой запах трав, а если не закрывать глаза, можно было увидеть толстые белые бинты под нижним халатом. Он нашел руку Юэ Инъяна, лежащую безвольно на кушетке, и сжал её.

— Даже если ты сейчас злишься, я больше не позволю тебе убежать... Знаешь? Это первый раз, когда я принял решение: даже если ты предашь меня, я хочу, чтобы ты оставался рядом со мной живым. — Голос Императора стал глухим, но кроме его макушки, подвязанной лентой, Юэ Инъян ничего не видел. В его спокойствии проступила тревога.

А Император продолжал бормотать:

— Почему ты получил такие раны? Это же была всего лишь стрела с десяти метров... Я раньше часто дразнил тебя этим на плацу, и ты всегда легко уклонялся... Я спрашивал сотника Чэня, ты ведь сам повернулся, когда стрела летела в тебя! Почему?.. Ты мстишь мне?! — Император поднял голову, и в его глазах блеснули слезы.

— Почему ты подставил свою грудь под стрелу, которой мог избежать! — Он не верил, что Юэ Инъян мог принести себя в жертву ради мести.

Внезапно пальцы Юэ Инъяна в руках Императора задрожали, а затем, с неимоверным усилием, сжались в слабый кулак!

— Юэ Инъян! — Император вскочил. Лекарь говорил, что Юэ Инъян минимум месяц будет лежать без движения!

— Х-х... — Из горла Юэ Инъяна вырвался хриплый звук. Капли пота на его лбу и вздувшиеся вены показывали, сколько сил ему это стоило.

— Не нужно больше стараться, я больше ничего не скажу, просто закрой глаза и спи! — Но Юэ Инъян не слушал, он попытался собраться с силами, и Император, не зная, что делать, прикрыл ему рот.

Однако Юэ Инъян продолжал смотреть на него так пронзительно, что Император вздрогнул и убрал руку.

— ...Жи... жив... я... генерал... на поле боя... нельзя... подставлять... спину врагу! — Юэ Инъян произнес эти слова искаженным голосом и, обессилив, снова провалился в сон.

— Лекарь... Лекарь! — Император, подкосившись, упал на колени, дрожащим голосом призывая лекаря, совершенно не заботясь о том, как жалко он выглядит.

Первым вбежал Ли Цюаньшунь, который дежурил у двери. Увидев Императора, стоящего на коленях у кровати в слезах, он похолодел. Поспешив к кушетке, он обнаружил, что Юэ Инъян все еще без сознания, и лишь наполовину успокоился. Он помог Императору подняться и усадил его на стул. Лекарь уже ждал у входа.

Ли Цюаньшунь втащил лекаря Цяня внутрь, подавая знаки: дескать, делай вид, что ничего не видишь. Лекарь был не глуп и сразу понял, что дело плохо. Но когда он увидел Императора, беззвучно рыдающего в углу, он чуть не выронил сумку!

— С генералом Юэ все в порядке? — сочувствуя растерянному лекарю, Ли Цюаньшунь поспешил на помощь.

— А... да... все хорошо, он просто истощен, поэтому снова заснул... — лекарь ухватился за эту версию.

Император сидел в углу, глядя, как двое суетятся вокруг Юэ Инъяна. В его голове все еще звучала фраза: Генерал на поле боя не может подставлять спину врагу! Юэ Инъян знал, что может погибнуть, но повернулся, чтобы принять стрелу грудью. И даже истекая кровью, он вырвал её и пронзил врага... Просто потому, что он генерал династии Шэн. Даже если он падет, в его груди не может торчать стрела врага!

Спустя еще два дня Император стал похож на деревянную куклу, прячась вместе с Юэ Инъяном в маленьком походном шатре. Лишь под предлогом того, что столица не может оставаться без правителя, он отправил Ван Ляньфу и пятьдесят тысяч воинов обратно в Вэйчэн. Отряд Юэ Инъяна и десять тысяч солдат, присланных Ван Ляньфу, остались охранять Императора и раненого генерала.

Прошло еще десять дней. Наступил конец года, погода за перевалом стала невыносимо холодной, припасы подходили к концу. Императору пришлось согласиться на переезд вместе с Юэ Инъяном, который то приходил в себя, то снова засыпал.

Горная дорога была настолько неровной и ухабистой, что раны Юэ Инъяна не только не заживали, но даже те места, где уже начала образовываться корка, снова разошлись. Лекарю Цяню приходилось всё время оставаться в карете Императора и Юэ Инъяна: одной рукой он разжигал маленькую печь, используя сухие ветки, собранные до начала снегопадов, чтобы вскипятить воду и приготовить отвар, а другой — обрабатывал раны Юэ Инъяна, которые никак не хотели затягиваться.

Дни, полные тревоги Императора и хлопот Лекаря Цяня, тянулись бесконечно.

Несколько раз за это время Лекарь Цянь, осмотрев Юэ Инъяна, лишь сокрушенно качал головой, но Император не обращал на это никакого внимания и всякий раз выкрикивал:

— Не смей умирать! Это мой священный указ!

На самом деле он понимал, что в столь критическом состоянии Юэ Инъян вряд ли может его услышать, но верил: если он прикажет, то этот исполнительный и донельзя правильный Юэ Инъян обязательно подчинится.

Лекарь, видя, как Император совершенно забывает о своем статусе и достоинстве, заботясь о раненом, словно о младшем, лишь вздыхал, качая головой.

Вдруг из той стороны, где лежал до этого неподвижный Юэ Инъян, донесся слабый голос:

— Я собирался умереть, чтобы исполнить твой указ и твое желание, но не думал, что теперь ты передумаешь. Говорят, что слово государя нерушимо, как же ты сам себе противоречишь? Все-таки ты еще ребенок.

Хотя слова были сказаны тихо, и Император, и лекарь, находившиеся в одной карете, отчетливо их расслышали. Обрадованный Император бросился к Юэ Инъяну, который даже не шелохнулся, но вскоре его постигло горькое разочарование. Юэ Инъян, лежавший на мягкой подстилке, не открыл глаз, а раны его не спешили затягиваться — казалось, эти слова прозвучали вовсе не из его уст.

С тех пор Император начал каждый день разговаривать с Юэ Инъяном о всякой всячине: вспоминал их совместные поездки в прошлые годы, обсуждал подробности их встреч, надеясь лишь на то, что тот снова заговорит. А когда лекарь по делам выходил из кареты, Император брал Юэ Инъяна за руку и молча смотрел на своего исхудавшего возлюбленного, украдкой роняя слезы, которые больше не мог сдерживать.

Старый лекарь, ежедневно ездивший в той же карете, давно догадался о нежных чувствах между молодыми людьми. Ему не оставалось ничего, кроме как время от времени искать повод выйти из повозки, чтобы обменяться многозначительными и полными горечи взглядами с Ли Цюаньшунем, ехавшим верхом впереди.

О том, что Юэ Инъян, возможно, лишь ненадолго пришел в себя перед смертью, старый лекарь сказать не мог. И дело было вовсе не в том, что перед ним был сам Император — он не мог произнести этих слов, как не смог бы сказать подобное сироте, оплакивающему единственного близкого человека.

Год подходил к концу, когда величественные очертания Вэйчэна наконец показались вдали. Увидев их, многие солдаты пали на колени и стали целовать землю. Они вернулись!

В тот день Юэ Инъяну стало немного лучше. Он приоткрыл глаза и слушал, как Император, сидя со скрещенными ногами в тесной карете, рассказывал, как во время осенней охоты, когда им было по семнадцать, он хитростью выманил у Юэ Инъяна пойманного кролика. Услышав нечто забавное, Юэ Инъян иногда едва заметно улыбался. Видя это, Император тоже начинал смеяться. Но проходило совсем немного времени, и смех сменялся рыданиями, которые разносились из кареты по улицам далекого Вэйчэна, сливаясь с завываниями холодного ветра.

Поздно ночью они прибыли в Вэйчэн. Император собственноручно передел Юэ Инъяна в

темно-синий халат, и Му Цзунбао, Лю Инъчжэнь, Сун Жэньцзе вместе с другим офицером на знамени Армии Орла перенесли его в Поместье генерала. Перед входом уже висели белые фонари в знак траура.

Однако Император, который так переживал за него, исчез. Никто не знал, куда он делся. Кто-то говорил, что видел в ту ночь молодого человека, бродившего по улицам Вэйчэна в одиночестве, а кто-то уверял, что видел, как он прятался напротив Поместья генерала, тупо глядя на огромные белые фонари и полосы белого шелка, развешанные на воротах.

На следующий день Император вновь величественно восседал на Тронном зале Цзиньлуань, но лицо его было бледным, как у покойника.

Видя это, тысячи жителей Вэйчэна плакали, но нашелся и тот, кто улыбался слаще, чем если бы напился меду. Этим человеком был Ван Ляньфу.

Ван Ляньфу стоило лишь подумать о том, что Юэ Инъян, который рано или поздно мог сравняться с ним или даже превзойти его, сейчас лежит в холодном камфорном гробу в Поместье генерала, как он не мог удержаться от довольной улыбки. Он не был уверен, была ли связана секретная депеша Императора с тяжелым ранением Юэ Инъяна на поле боя, но самого факта избавления от бельма на глазу было достаточно. К тому же оставался еще тайный посланник Императора, запертый в темнице; раз уж допросить его не удалось, стоило покончить с ним как можно скорее, пока он не натворил дел.

Хотя изобразить скорбь было непросто, посетить Поместье генерала было необходимо — в конце концов, он был главнокомандующим в этом походе. К тому же до него доходили лишь слухи о смерти Юэ Инъяна, и он хотел убедиться в этом лично. Хотя вероятность того, что это ложь, была ничтожна, осторожность не помешает.

На самом деле, когда Юэ Инъян прислал людей обсудить стратегию боя, Ван Ляньфу потребовалось все его мужество, чтобы отдать тот опасный приказ. Если бы Император не оставил Юэ Инъяна на произвол судьбы и начал расследование, вся ответственность легла бы на него. Халатность военачальника, приведшая к гибели авангарда и тяжелому ранению его командира, — это не то, за что можно отделаться выговором; можно и должности лишиться. К счастью, Юэ Инъян умер, и он мог во всем отпереться! Ха-ха, похоже, небеса действительно на его стороне.

Самое позднее завтра он должен покончить с тем посланником, иначе на душе будет неспокойно.

Решив всё, Ван Ляньфу с выражением скорби, в которое он сам не верил, шагнул в Поместье генерала. Все слуги и горничные были в траурных одеждах. Старая мать Юэ Инъяна не вышла в поминальный зал — говорили, что она слегла. Лишь Хун Яо, молодая вдова, чей муж отправился на войну вскоре после свадьбы, а теперь скончался от тяжелых ран, принимала соболезнования от имени женщин семьи. Едва он вошел, как Старый генерал Юэ посмотрел на него так, будто перед ним убийца его сына, и от этого взгляда Ван Ляньфу стало не по себе. Он

лишь твердил себе, что старик так смотрит на него только потому, что он, как начальник, не уберег Юэ Инъяна, и что Старый генерал никак не может знать о его интригах.

— Старый генерал, пожалуйста, сдержите свое горе... Я пришел просить прощения. Увы, это моя вина как командира. Хотя Инъян был молод и горяч, стремясь совершить подвиг во славу страны, из-за чего столь опрометчиво бросился в атаку, но я тоже виноват, что не успел вовремя прийти на помощь, будучи занят встречей Императора... Ох... — Ван Ляньфу охал и вздыхал, прося прощения, но при этом умудрился переложить вину за несвоевременную поддержку на самого Императора. Старый генерал Юэ прекрасно знал, что его сын не стал бы действовать опрометчиво, к тому же Лю Иньчжэнь и другие уже рассказали ему всё как было, но, столкнувшись с наглостью Ван Ляньфу, чья кожа была толще крепостной стены Вэйчэна, старик лишь задыхался от гнева, глотая слезы.

В этот момент из внутренних покоев вышел Му Цзунбао. Он уже занес свой кулак размером с чашу, чтобы обрушить его на голову Ван Ляньфу, но Лю Иньчжэнь, следовавший за ним, успел его удержать. Ван Ляньфу был уже стар и слаб, да и его боевые навыки за долгие годы пребывания на высоких должностях, пьянства и разгульной жизни изрядно притупились. Он понимал, что не справится с молодым и сильным Му Цзунбао. Этот жест Му Цзунбао напугал его, и он поспешил удалиться под предлогом неотложных дел, радуясь возможности поскорее вернуться и тихо избавиться от посланника.

Ван Ляньфу ушел в такой спешке, что не заметил две тени, мелькнувшие у него за спиной.

— Ли Ин, тот человек, которого я привез, все еще в темнице? — вернувшись в свое поместье, Ван Ляньфу сразу спрятался в своих покоях и позвал своего верного слугу, который сопровождал его уже двадцать лет.

— Генерал, тот человек все еще заперт там, но он не перестает браниться день и ночь. Если не покончить с этим сейчас, боюсь, будут неприятности, — ответил Ли Ин, который за столько лет прекрасно изучил повадки своего хозяина.

— Хорошо, иди и убей его, его нельзя оставлять в живых! — Ван Ляньфу бросил свирепый взгляд и выразительно провел рукой по горлу.

— Слушаюсь, — Ли Ин ответил ему злобной ухмылкой.

Ван Ляньфу сидел в своем любимом кресле, ожидая вестей о том, что дело сделано, чтобы наконец обрести покой. Но чем дольше он ждал, тем сильнее начинал дрожать. В конце концов он встал и решил сам пойти в темницу, чтобы убедиться, что с врагом покончено.

Пошатываясь, он направился к заднему саду, по пути оглядываясь, не следит ли кто за ним. Неизвестно почему, но у него было странное чувство, будто за ним с небес наблюдает пара пристальных глаз.

Стоило завернуть за угол стены, как показалась декоративная гора, скрывающая вход в темницу. Вдруг Ван Ляньфу вздрогнул и остановился: из-за горы доносился звон оружия.

Ван Ляньфу встал на цыпочки и заглянул в отверстие в узорчатой кирпичной кладке стены. Увиденное едва не лишило его рассудка: Му Цзунбао, войдя в раж, прижал Ли Ина к стенке, а Лю Инчжэнь, поторапливавший товарища закончить бой, поддерживал человека, которого вывели из темницы — того самого посланника, доведенного пытками до полуживого состояния!

Ван Ляньфу понял, что разоблачен. Ноги его подкосились, но страх за собственную жизнь заставил его спотыкаясь броситься к одной из малых боковых дверей, которой редко пользовались в поместье.

<http://bllate.org/book/21138/2144063>